

УДК 811.512

doi: 10.18101/1994-0866-2017-3-10-18

**ОТРАЖЕНИЕ РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА В «ПЕСНЕ ШИЛДЭЙ ЗАНГИ»
В ТЕКСТЕ «АЦАГАТСКОГО ОЧЕРКА О ХОРИ-БУРЯТАХ»**© *Жамсоев Амгалан Дашиевич*

аспирант, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

670042, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

E-mail: tiirgen@gmail.com

В статье рассматриваются орфографические черты текста «Песни Шилдэй-занги» на монгольском письме, в котором отражаются лингвистические особенности хоринского диалекта бурятского языка. Песня приведена из текста «Ацагатского очерка о хори-бурятах» ("Qoᠭi buriyad tuqai Acaᠭad-tu bičigdeggen tobči teüke"). «Ацагатский очерк» является во многом своеобразной по содержанию исторической летописью, посвященной истории хори-бурят, начиная с легенды о Баргубаторе и заканчивая волостной реформой 1904 г. Рассмотрены элементы разговорной стихии, относящиеся предположительно к хоринскому диалекту бурятского языка начала XX в. Методологическая база исследования представлена лингвистическим анализом, включающим в себя сравнительно-сопоставительный анализ материалов рассматриваемого письменного источника с данными нормы классического письменного монгольского языка и с данными разговорного хори-бурятского диалекта начала XX в. Исследование выявило сходство большинства форм с элементами живой разговорной речи. Допущенные орфографические отклонения могут быть признаны намеренной попыткой фиксации и передачи разговорной речи. Несомненна ценность данного поэтического образчика как иллюстрации процесса отражения разговорного языка в ранних письменных текстах бурят. Для исследования привлекались следующие источники и материалы: транслитерированный текст песни о Шилдэй занги, сборник Б. Барадина, посвященный народной поэзии бурят (1910), материалы А. Д. Руднева по исследованию хори-бурятского говора (1914).

Ключевые слова: бурятские летописи; разговорный язык; Шилдэй занги; хори-бурятский диалект; коллоквиализация; орфография; хори-буряты; бурятский фольклор; монгольское письмо; старомонгольский язык.

В контексте изучения проблематики развития бурятского языка и его отношения к классическому языку монгольского письма, равно как и к языку так называемого «бурятского извода», очевидна необходимость целенаправленного и последовательного изучения бурятских памятников (в их число входят исторические и религиозные сочинения, деловые документы и т. д.) на письменном монгольском языке¹. Наиболее полно данная проблематика была раскрыта Ц. Б. Цыдендамбаевым в монографии «Бурятские исторические хроники и родословные» [11].

Актуальность статьи определяется необходимостью дальнейшего изучения письменного наследия бурят, что, в свою очередь, позволит более полно осмыслить историю письменного языка бурят. Кроме того, актуальность обусловлена

¹ Термин «старомонгольский» представляется нам несколько некорректным.

возможностью употребления некоторых форм письменного языка бурят в современной речи (стилизованные тексты, архаизированная речь и т. д.).

Изучаемый образец представляет собой один из вариантов песни (переложение на современную бурятскую графику было опубликовано в статье Г. Н. Очировой [6]) Шилдэй занги², исторической личности, героизируемой в народных легендах бурят [1; 5].

Цель настоящей статьи заключается в изучении и характеристике орфографических особенностей данного фрагмента, опираясь на материалы разговорного языка хори-бурят современного периода (10–30-е гг. XX в.). Было привлечено исследование профессора А. Д. Руднева по хори-бурятскому говору (ХБГ) [14; 15] и в качестве вспомогательного материала сборник бурятского фольклора *Buriaad zonoï uran eugeiïn deejî* (BZUED) Б. Барадина (был использован материал на хоринском диалекте — тексты под номерами III–IV, VII–X) [18]. Материал приведен в том же виде, в каком он представлен в источниках. Глоссирование текста основано на Лейпцигских правилах [The Leipzig Glossing Rules].

Нами использован лингвистический анализ, включающий в себя сравнительно-сопоставительный анализ материалов рассматриваемого письменного источника с данными по норме классического письменного монгольского языка и по разговорному хори-бурятскому диалекту начала XX в.

«Ацагатский очерк» в отношении орфографии представляет собой один из памятников бурятского извода письменного монгольского языка, обладающий некоторыми особенностями:

- употребление инициального *тав* в медиальной позиции [11, с. 619];
- употребление *хэт* с точками для обозначения звука *q* и без точек для обозначения *γ* [11, с. 620];
- нерегулярное употребление двойного гласного на месте комплекса VCV;
- употребление *далет* в финальной и инициальной позиции;
- нерегулярное употребление *вав+йод* для обозначения гласной *u*;
- употребление заднеязычного *ng* (*нун+каф*) перед *d*, *ǰ*, *č* (*mungča*, *tengde*, *gingǰi*) (для обозначения интерполяции и специфических знаков используются следующие символы: <...> — интерполяция, *ǰ̣* — «каф с диакритикой», *ɬ* — *далет* в инициальной позиции, *ɣ* — «хет без диакритики») [11, с. 620];
- обыкновение писать *i* после согласных *ǰ*, *č*, *y*, (*ǰiq=a*, *yike*, *čirig*) [11, с. 621].

За исключением указанных примеров, анонимный автор летописи стремится соблюдать классическое правописание, допуская в тексте песни отклонения от орфографической нормы.

Имеющиеся отклонения представляется возможным разделить на падежные аффиксы, деепричастные окончания (§ 1) и написание основ слов (§ 2).

² Имя Шилдэй занги зафиксировано в монгольских исторических документах современного периода как *Čildei* [5, с. 214], в бурятских хрониках как *Sildei* [16, с. 116], в русских источниках как *Шилдеи* [5, с. 220]. В исследуемом тексте его имя записано как *Siledei*.

§ 1. 1) *-ayiy=a/-eyige ~ -oyiy=a* = ПМЯ (материал по монгольскому письму приведен согласно современным правилам в *Шинэ үсгийн дүрмийн хадмал толь* [17], *Mongyol bicig-un jöb bicikü toli bicig* [18], *Mongyol kele bicig-ün ündüsü* (Монгол хэлэ бэшэгэй үндэһэн) *Mongyol bicig-tü surqu nom* (Монгол бэшэгтэ хураха ном I хуби, II хуби) [19], *Mongyol bicig-un qadamal toli* [20], *Монгол бичгийн зөв бичих дүрмийн хураангуй, мэдлэг шалгах сорил* [23]) *-uban/-ü-ben ~ -un-iyan/-ün-iyen*; BZUED: *... /-eigee/-...* (не удалось найти соответствующих примеров); ХБГ *-ᠡᠮᠠᠨᠠ/-ᠡᠮᠠᠨᠠ/-ᠡᠮᠠᠨᠠ/-ᠡᠮᠠᠨᠠ ~ -ᠡᠮᠠᠨᠠ/-ᠡᠮᠠᠨᠠ*; СБЯ (материал по бурятскому языку приведен по грамматике бурятского языка [8]) *-айнгаа/-эйнгээ/-ойнгоо*; слитный показатель генитива, состоящий из генитива *-ai³/-ei/-oi* и возвратного притяжания *-γ=a/-ge*:

- (1) *aduun+ayiy=a*
*адуунайгаа⁴
адуунайгаа
лошадь-GEN-REFL.POSS
'(своих) лошадей'
- (2) *tetegen+eyige*
*тэмээнэйгээ
тэмээнэйнгээ
верблюды-GEN-REFL.POSS
'(своих) верблюдов'
- (3) *ulus+oyiy=a⁵*
*олосойгаа⁶
уласайнгаа
люди-GEN-REFL.POSS
'(своих) людей'

Указанные показатели употреблены вместо стандартных *-u-ban/-ü-ben* и *-un-iyan/-ün-iyen*, таким образом, сближаясь с показателями генитива *-айнгаа* (*-эйнгээ*, *-ойнгоо*) в современном бурятском языке. Показатели же в тексте песни примечательны, прежде всего, отсутствием элемента *-n/-ng*, присутствующим в современном бурятском языке [8; с. 95; 13, с. 112]. Неустойчивость элемента *-n/-ng*, в хоринском диалекте отмечается и в грамматике Н. Н. Поппе, который привел показатели: *-aigā ~ -aigā* [7, с. 178].

³ Следует заметить, что подобный аффикс встречается также в монгольском языке в указе Махасамади Сэцэн хаана 1635 года и включенном в Мань вэнь юань дан (滿文原檔) [22, с. 186]. Вполне возможно, что аффикс *-ai/-ei* sporadически употреблялся и в других документах южно-монгольского и северо-монгольского (халхаского) происхождения, однако нам не удалось найти соответствующих примеров.

⁴ * Помечена реконструируемая форма.

⁵ Употребление этого аффикса, вероятно, вызвано основой, звучащей как *олос < улас*.

⁶ Произношение *олос* (<улас) фиксируется у бурят Мухоршибирского района [4, с. 204].

2) **-de** = ПМЯ *-du/-dur/-dū/-dür ~ -tu/-tur/-tü/-tūr*; BZUED *-da/-de/-do ~ -ta/-te/-to*; ХБГ *-ᠳᠠ/-ᠳᠠᠭ/-ᠳᠡ/-ᠳᠡᠭ/-ᠳᠣ/-ᠳᠣᠭ ~ -ᠮᠠ/-ᠮᠡ/-ᠮᠦ/-ᠮᠦᠭ*; СБЯ *-ᠳᠠ/-ᠳᠡ/-ᠳᠣ/ ~ -ᠮᠠ/-ᠮᠡ/-ᠮᠦ*; дательно-местный падеж, кроме стандартных показателей *-du/-dū* выражается показателем *-de* [11, с. 564], показывающим результат ассимиляции гласного:

- (1) *yeke+de*
ехэдэ
много-DAT.-LOC.
'при множестве'

3) **-layib/-layibi/-lai bi/-leyib/** = ПМЯ *luɣ=a bi/lüge bi ~ -l=a bi/-l=e bi*; BZUED *-lai.../-leib*; ХБГ *-.../-лэйп*; СБЯ *-лайб/-лэйб/-лойб*; Показатель, состоящий из суффикса изъявительной формы заведомо-прошедшего времени *-lai/-lei* и личного местоимения *-bi*:

- (1) *alqa+layib*
*алхалайб
шагать-PAST.PERF.-1SG.
'перешел (я)'
- (2) *bosqa+layib*
*бодхойб
построил-PAST.PERF.-1SG.
'построил (я)'
- (3) *ɣar+layibi* (*ɣara+lai bi*)
*гаралай би
уйти-PAST.PERF.-1SG.
'ушел (я)'

Форма *-lai/-lei* до недавнего времени довольно хорошо была известна эпическому языку хори-бурят. Лингвистические наблюдения, проведенные Г. Д. Санжеевым в конце 1930-х гг. [9, с. 15], привели его к выводу о неупотребительности этого показателя. К аналогичному выводу приходит и Е. Скрибник [13, с. 114]. Исследование А. Д. Руднева [14, с. 79] упоминает о его наличии только в составе вспомогательного глагола *-бэ* (*бэ+лэй*). Его генезис схематично может быть представлен в следующем виде: **luɣai/legei > *lu'ai/le'ei ~ *la'ai/le'ei > lai/lei* [12, с. 265]. Второй элемент *-b* представляет собой редуцированную форму личного местоимения 1-го лица *bi*. Написание же данного элемента в его полной форме, вероятно, вызвано требованиями рифмы.

4) **-yiy=a/-eyige** = ПМЯ *-yuyan/-yügen ~ -yi-ban/-yi-ben*; BZUED *-.../-.../-yee/-...;* ХБГ *-jā/-ā/-jē/-ē*; СБЯ *-яа/-аа/-еэ/-ээ*; слитная форма, состоящая из стандартного показателя винительного падежа *-yi* и возвратного притяжания на *ɣ=a/-ge*.

- (1) *qara+yiγ=a*
хараа
воронко-ACC.-REFL.POSS
'(своего) воронка'
- (2) *ger+eyige*
гэрээ (гэрээ)
дом-ACC-REFL.POSS
'(свой) дом'
- (3) *albatu+yiγ=a*
албатаая (албатаа)
подданные-ACC.-REFL.POSS
'(своих) подданных'

5) *-tey=e* = ПМЯ *-tei-ben/-teyigen*; BZUED *-teyee*; ХБГ *-meĵē*; СБЯ *-мээ*. Слитный показатель разговорного происхождения *tey=e*, состоящий из показателя генитива и безличного притяжания, несомненно, отражает разговорную форму *-meĵē*⁷ [7, с. 64] и *-мээ* в современном бурятском. Аффикс *-taγ=a/-tey=e* фиксируется в бурятских деловых документах [3, с. 215], а также в летописных письменных памятниках, употребляясь тем не менее совместно с исходной формой *-taiγan/-teyigen* [11, с. 592]:

- (1) *degüner-tey=e*
дүүнэртээ
младшие братья-COM.-REFL.POSS
'с младшими братьями'

6) *-döö* = ПМЯ *-dü-ben/deggen*; BZUED *-deoo/-dee*; ХБГ *-dȫ*; СБЯ *-dөө/-дээ*;

- (1) *kül+döö*
хүлдөө
нога-DAT.-LOC.+REFL.POSS
'ноге (своей)'

Через удвоение графемы «*gedesü*» проявлена долгота, выражающая показатель безличного притяжания *-ban/-ben*, в современном бурятском выражающаяся посредством присоединения аффикса *-aa* (-ээ, -оо, -өө) [8, с. 95].

7) *-erib* ~ <*-ereyib*> = ПМЯ *-ber-iyen bi*; BZUED *-...*; ХБГ *-ērēn*; СБЯ *-ээрээб*:

- (1) *bey=e+rib* <*bey=e+reyib*>
бэээрээб
сам-INS.-1SG
'сам, лично'

⁷ В дополнение к упомянутым выше в текстах также присутствуют *-teĵä* ~ *-teĵȫ* [8].

Составной показатель *-erib* ~ *-<ereyib>* состоит из аффикса орудного падежа *-ber*, претерпевшего стадию исчезновения согласного (*-ber* > **-ger* > **-'er* > *-eer*) [2, с. 207], безличного притяжания *-iyen* (>*-ee*) [2, с. 207] и личного местоимения *-bi* (>*-b*). Комплексом *-eyi*, вероятнее всего, передается долгий гласный -ээ.

8) **-teb** = ПМЯ *-tei bi*; BZUED *-teib*; ХБГ *-mēn*; показатель совместного падежа в единичном случае выражается через данную форму.

- (1) *küsel+teb*
хүсэлтэйб
желание-‘СОМ+1SG’
'хочу, имею желание'

Исчезновение элемента *-i*, вероятно, вызвано уподоблением дифтонга *-ei* долговому гласному *-ee*. Данный процесс также был отмечен А. Д. Рудневым [14, с. 27].

9) **-jī** = ПМЯ *-jū*; BZUED *-ji*; ХБГ *-жi*; Аффикс соединительного деепричастия.

- (1) *ge+jī*
гэжэ
говорить-‘CVB.IPFV’
'так говоря'
- (2) *daqaγul+jī*
дахуулжа
вести за собой-‘CVB.IPFV’
'ведя за собой'

Показатель *-jī*, вероятнее всего, образовался под воздействием прогрессивной ассимиляции. Б. Я. Владимирцов считал данную форму, восходящей к **-jī ~*-čī*. [2, с. 327].

§ 2. 1) **d̥elestü** = ПМЯ *deltü* ‘с гривой’, СБЯ *дэлхэтэ ~ дэлхэтэй*;

- (1) **d̥eles+tü**
дэлхэтэ
грива-‘НВ’
'с гривой'

Форма, являющаяся следствием подражания архаическому фольклорному произношению⁸, на наш взгляд, указывает на возможную праформу, реконструируемую как **delesin*.

2) **oboo** = ПМЯ *obuy=a*, СБЯ *обоо*; данное разговорное написание представляет собой результат развития долгого гласного на месте исторического

⁸ По выражению Ц. Б. Цыдендамбаева, «с монголизированным фонетическим звучанием [10, с. 219].

комплекса VCV. Это достаточно хорошо известное явление в письменных памятниках, не связанных с необходимостью точно соблюдать орфографию [11, с. 558; 2, с. 244].

В результате исследования было выявлено 11 отклонений, которые были интерпретированы на материале разговорного хори-бурятского диалекта. Допущенные орфографические отклонения могут быть признаны намеренной попыткой фиксации и передачи разговорной речи. Вместе с тем несомненна их ценность как иллюстрация процесса отражения разговорного языка в ранних письменных текстах бурят.

Список глосс

GEN. — родительный падеж
REFL.POSS — возвратное безличное притяжание
ACC. — винительный падеж
COM. — совместный падеж
INS. — орудный падеж
1SG. — 1-е лицо
CVB.IPFV. — соединительное деепричастие
НВ — «хабитив» или значение формы обладания.

Список сокращений

ПМЯ — письменный монгольский язык
BZUED — *Buriaad zonoī uran eugeiin deejī* (=Отрывки из бурятской народной литературы. Тексты.). Санкт-Петербург, 1910.
ХБГ — Хори-бурятский говор (исследование, тексты). Петроград — Санкт-Петербург, 1913–1914.
СБЯ — современный бурятский язык.

Литература

1. Баяртуев Б. Д. Исторические предпосылки зарождения бурятской литературы // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. — Т. 2: История. Философия. Социология. Культурология и искусство: материалы международного науч. конф. — Улан-Удэ, 2000. — С.177–182 с.
2. Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. — М.; Л., 1929. — 438 с.
3. Доржиев Д. Д. Старобурятский язык. — Улан-Удэ, 1992. — 244 с.
4. Дондуков У.-Ж. Ш. Предварительный отчет о работе Мухоршибирского отряда диалектологической экспедиции научно-исследовательского института культуры (июль 1956 г.) // Записки Бурят-Монг. науч.-исслед. ин-та культуры (XXIII). — Улан-Удэ: Бурят-Монг. кн. изд-во, 1957. — С. 198–212.
5. Нацагдорж Б. Побег баргутов в Россию в 1730 году // Культурное наследие народов Центральной Азии. — Улан-Удэ, 2012. — Вып. 3. — С. 206–225.
6. Очирова Г. Н. Ацагатская летопись о поездке делегации хори-бурят в Москву // Угай зам. — 2002. — Спец. вып. № 2.
7. Поппе Н. Н. Грамматика бурят-монгольского языка. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. — 268 с.
8. Санжеев Г. Д. Грамматика бурятского языка (Фонетика и морфология). — М.: Изд-во вост. лит-ры, 1962. — 341 с.

А. Д. Жамсоев. Отражение разговорного языка в «Песне Шилдэй занги» в тексте «Ацагатского очерка о хори-бурятах»

9. Санжеев Г. Д. Лингвистические наблюдения в Еравне и Хори // Зап. Бур.-Монг. НИИЯЛИ. — Улан-Удэ, 1939. — Вып. 1. — С. 7–24.
10. Цыдендамбаев Ц. Б. Монголизированный язык ранних бурятских песен // Олон улсын Монголч эрдэмтний IV их хурал (III). — Улаанбаатар, 1986. — С. 219–224.
11. Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. — 656 с.
12. Poppe N. Introduction to Mongolian comparative studies. — Helsinki, 1987. — 301 p.
13. Skribnik E. Buryat // The Mongolic languages (Edited by Juha Janhunen). — L.; N.Y.: Routledge, 2003. — 433 p.

Источники

14. Рудневъ А. Д. Хори-бурятскій говоръ (Опыт изслѣдованія, тексты и переводъ) Выпускъ 1. Опытъ изслѣдованія. — Петроградъ: Типографія В. Киршбаума, 1913–1914. — 120 с.
15. Рудневъ А. Д. Хори-бурятскій говоръ (Опыт изслѣдованія, тексты и переводъ) Выпускъ 2. Тексты. — С.-Петербургъ: Типографія В. Киршбаума, 1913. — 130 с.
16. Летописи хоринских бурят. Вып. 1. Хроники Тугултур Тобоева и Вандана Юмсунова. Текст издал Н. Н. Поппе // Тр. Ин-та востоковедения. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. — Т. IX. — 172 с.
17. Галсанпунцаг. Шинэ үсгийн дүрмийн хадмал толь. — Хөххот: Өвөр Монголын сурган хүмүүжлийн хэвлэлийн хороо, 1987. — 1198 х.
18. Барадійнь Б. Vuriaad zonoī uran eugeiīn deejī (Отрывки изъ бурятской народной литературы. Тексты.). — Санктпетербургъ: Типографія Императорской Академіи Наукъ, 1910. — 38 с.
19. Дондогой Д.-Н., Шагдаров Л. Д. Mongγol kele bičig-ün ündüsü (Монгол хэлэ бэшэгэй үндэһэн) Mongγol bičig-tü surqu nom (Монгол бэшэгтэ һураха ном I хуби, II хуби). — Улаан-Үдэ: Бэлиг, 1995. — 304 q.
20. Lubsangjab Čoyi., Gangtoytaqu Sirayid Го., Darmabala Borjigin. Mongγol bičig-un qadamal toli. — Ulaγanbayatur: Mongγol bičig-un keblel-ün qoriy=a, 1999. — 556 q.
21. Nadmid, Ya. Mongγol bičig-un jōb bičikü toli bičig. — Ulaγanbayatur: Ulus-un keblel-ün γaγar, 1990. — 45 q.
22. Хитоси Курибаяси 栗林均, Хай Лань 海蘭. Мобун гэнто сёсю монгору го бунсё но кэнкю 『満文原檔』所収モンゴル語文書の研究 (Исследование монгольских документов включенных в «Мань вэнь юань дан»). — Сэндай: Университет Тохоку. — 264 с.
23. Чоймаа Ш., Заябаатар Д. Монгол бичгийн зөв бичих дүрмийн хураангуй, мэдлэг шалгах сорил (нэмж зассан гурав дахь хэвлэл). — Улаанбаатар: МУИС МХСС, 2009. — 44 q.

REFLECTION OF THE COLLOQUIAL LANGUAGE IN «SONG OF SHIELDEY ZANGI» FROM THE TEXT OF "ATSAGAT CHRONICLE ABOUT THE KHORI-BURYATS"

Amgalan D. Zhamsoev

Research Assistant, Department of Linguistics, Institute for Mongolian,
Buddhist and Tibetan Studies, SB RAS
6 Sakhyanovoy St., Ulan-Ude 670047, Russia
E-mail: tiirgen@gmail.com

The article deals with spelling of the text "Song of Shildei Zangi", written in Mongolian script, which reflects the linguistic features of the Chorin dialect of the Buryat language. The song is quoted from "Atsagat Chronicle about the Khori-Buryats" ("Qori buriyad tuqai Ačayad-tu bičigdegsen tobči teūke"). "The Atsagat Chronicle..." is an original historical chronicle devoted to the history of the Khori-Buryats from the legend of Bargu-Bator to the Volost Reform of 1904. This research is of significant importance as there is a need for further studies of Buryats' written heritage. The importance of this research also lies in the growth of public interest to Mongolian script within the conditions of Buryats living in Russia. The research tries to interpret elements of colloquial origins on the material of Khori-Buryat speech of the 20th century. The methodological framework of the study is presented by the linguistic comparative analysis of the studied written source with the norms of the classical written Mongolian language and the colloquial Khori dialect. The study has revealed the similarity of most forms with the elements of living colloquial speech. Spelling deviations in the text can be recognized as a deliberate attempt to fix and transmit colloquial speech. Undoubtedly, this poetic sample illustrates the process of reflecting the spoken language in the early written texts of the Buryats. We have used the following sources and materials in our study: the transliterated text of the song, the collection of Buryat folk poetry by B. Baradin (1910), the materials of A. D. Rudnev on the Khori dialect of the Buryats (1914).

Keywords: Buryat chronicles; colloquial language; Shildei Zangi; the Khori dialect of the Buryats; colloquialization; orthography; Khori-Buryats; Buryat folklore; Mongolian script; the Old Mongolian language.